

ОСТРОГА ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ

История эта хотя и приключилась в Приморском крае, однако началась на Камчатке в 1970-х годах. Мы работали тогда в составе большой ихтиологической экспедиции от Института биологии моря Российской академии наук. Мы исследовали биологию нерки, одного из тихоокеанских лососей. Очень важным моментом являлось определение численности рыб на нерестилищах, их поведение и биологические особенности, поэтому и располагаться нам приходилось поближе к нерестилищам нерки. Именно поэтому все лето мы проводили в безлюдных ольхово-березовых лесах на озере Азабачьем, что в пятидесяти километрах от устья реки Камчатки. Здесь, на берегах прозрачных речек, где гнездились утки и кишели лососи, у истоков истоптанных непугаными медведями ручьев, мы делали свою работу. Красоты, окружавшие нас, надежно защищали мокрец и мошка. Мириады этих насекомых собирались вокруг и начинали заживо съедать человека, стоило лишь остановиться на минуту. Комары были почти такие же, какими были описаны в «Понедельнике...» у Стругацких: бородатые, с жалом размером с авторучку; но по сравнению с мошкой и мокрецом они казались просто райскими птичками в небе. Тем не менее было бы преступно спрятаться от них за стенами и не побывать в окрестностях этих внешне необжитых, но богатых историей мест; и мы старались посвящать этому свое свободное время. Далеко уезжать было и не нужно. Лики истории глядели на нас отовсюду. По берегам реки Камчатки стояли почти еще пригодные для жилья добротные дома из лиственницы. Это были села, опустевшие к шестидесятым годам в результате достопамятного «укрупнения». Заглянув чуть глубже, можно было найти брошенные воинские части, потерявшие свое значение с возникновением ракетных войск. В устье притока Камчатки, реки Радуги, находился российский острог, основанный в 1703 году и впоследствии сожженный камчадалами. Размываемый в этом месте берег до сих пор обнажает курки от кремневых ружей, осколки чашек китайского фарфора и монеты, среди которых была многочисленна денга 1740-х годов, но можно было встретить и екатерининское серебро, и редкие ныне «сибирки» Колыванского монетного двора. Еще дальше, в глубине проток, были хорошо видны заросшие медвежьей дудкой и борщевиком круглые ямы — остатки юртовичей древних ительменов. Этот самобытный народ камчатских рыбаков видели и описывали вроде еще совсем недавно этнографы С. Крашенинников и К. Дитмар. Здесь мы во множестве находили материальные свидетельства жизни ныне угасших культур: обсидиановые скребки, кремневые на-

конечники стрел и копий, шлифованные тесла из кремнистого сланца и массивные жировые лампы из гранита. Что, скажите мне, почувствуете вы, извлекая из земли яшмовый топор с тщательно отшлифованным острым лезвием? Поэтому всем в этих местах были абсолютно понятны чувства людей, собравшихся вечером после работы у знаменитого камина на биологической станции «Радуга» и поющих под гитару родившуюся здесь же, на Камчатке, шуточную песню:

*Я с некоторых пор в земле копать стал
И каменный топор из осыпи достал.
Стою, немея, я: типичный неолит!
Шлифованы края, в ладони — словно влит.
И сколько ж лет назад тесал обсидиан,
Прикрывши шкурой зад, небритый старикан.
И сколько ж черепов прошибло острие...
И вот, сквозь тьму веков, оружие — мое!
Ликую я, ура! Поет моя душа.
Я, кроме топора, не вижу ни шиша.
Он солнца белый свет собою мне затмил.
Держу в руках предмет, что **Номо** сотворил!*

Самым потрясающим моментом этого археологического бума для меня стали находки, в предназначении которых я не сомневался ни секунды, хотя и увидел первый раз. Это были каменные наконечники для острог или гарпунов. Они были сделаны из кремнистого сланца. По обоим их краям мастер отжимником слущил камень так, что на лезвии наконечника образовались зубцы. Я, признаться, никогда не думал, что остроги люди начали делать еще из камня. Ведь проще, казалось мне, делать такие вещи из более податливого материала — кости. Получалось, что я, ихтиолог, не знал самой первой страницы истории рыболовства! И я начал читать об этом периоде, не переставая удивляться, сколь объемна она.

За короткий период на моей книжной полке собралось четыре десятка книг на эту тему. Я узнавал про существовавшую десятки тысяч лет назад Берингийскую сушу; про то, как по ней шли охотники и рыболовы Палеоазии, чтобы достигнуть Палеоамерики. Я узнавал, как на всем своем пути совершенствовали они свои орудия промысла, которые потом обеспечивали им все больше пищи. А пища была рядом: она росла под ногами и плавала в речной воде. Лососи оказались наиболее многочисленными и весьма доступными для промысла рыбами севера Азии. Люди добывали их в реках, часто на глубине не более полуметра. Крупные и сильные, они, можно полагать, сходили с гладкого наконечника копыя, даже после меткого удара. Тогда человек догадался сделать на острие заусеницы. Это была первая острога. Был еще путь совершенствования, и его тоже нашел человек. Он привязал наконечник к ремню, в руках его появилось уже качественно новое орудие — гарпун. Позднее возникли очередные модернизации: гарпун с поворотным наконечником, который способен был удерживать не только рыбу, но и нерпу. Возникли даже симбиозы гарпуна и крючка: марек и элгу, замечательное изобретение рыболовов-айнов Хоккайдо и эвенков побережья Охотского моря. Оба этих орудия выполняли ту же функцию, что и острога, но были удобны рыболову тем, что их рабочая часть была значительно компактней и не тупилась об камни. С приходом в эти места железа самым оптимальным индивидуальным орудием для добычи лососей, поднимающихся по рекам на нерест, оказались острога и гарпун. В разных местах мира они дожили до наших дней. Последний индеец из племени яхов, Иши, волею судьбы попавший в 1911 году из каменного века в цивилизованный город

в США и оставленный жить там при местном музее, изготовил себе два первых промысловых орудия, и это был двузубый гарпун и лук со стрелами. Об этом нам рассказывает увлекательная книга Теодоры Кребер «Иши в двух мирах».

Теперь я уже по-новому смотрел на свои находки каменных орудий. Да ведь это же коллекция, которая отражает развитие техники рыболовства в древние времена! Это же и есть та самая первая страница в истории рыболовства, но не написанная на бумаге, а выполненная в камне! И собрал ее я сам. Это было самым приятным открытием после находки первого каменного топора. Существовала лишь одна загвоздка. Таких зубчатых наконечников, как у меня, я больше не видел нигде, поэтому не знал, к какой культуре их отнести. Я написал, выслав их фотографии, ученому-археологу Николаю Николаевичу Дикову, работавшему в бассейне реки Камчатки ранее. К моему удивлению, он сам приехал из Магадана во Владивосток, за несколько тысяч километров, и, взглянув на коллекцию, сказал, что она представляет определенную ценность для науки. Он захотел забрать ее с собой. Нужно ли было мне спорить с членом-корреспондентом Академии наук? Я не стал. Ведь это были самые надежные из всех возможных руки, в которые и нужно отдавать коллекции.

И только потом была работа в ТИНРО-центре на реках Приморского края. О, этот край, исчерченный руслами рек, как будто специально был создан для рыболовства. По многоводным притокам Усури каждой осенью из великого Амура поднималась кета. Миллионы этих рыбин поднимались вверх по течению за полторы — две тысячи километров от моря к Бикину, Большой Уссурке и другим притокам Усури, чтобы достигнуть своих нерестилищ. В короткие речки восточных склонов Сихотэ-Алиня из Японского моря с мая по ноябрь заходили различные виды лососевых рыб, кормившихся в безбрежных пространствах далеко от рек, где они родились. Люди издревле жили на берегах этих кормных рек. Рыболовство было для них естественным занятием и в те древние времена, и сейчас. Здешние мелководные, кристально прозрачные от истоков до места впадения в море потоки безусловно отличались от мутных и глубоких вод реки Камчатки, где они бывают чисты лишь в самых верховьях. И поэтому острогой на Камчатке пользовались очень редко как в древние, так и в наши времена. В мутной воде охота трудна — плохо видно; а когда рыба достигнет прозрачной воды нерестилищ, мясо ее становится белым и невкусным. Добычливей на Камчатке было напелсти из крапивных веревочных сетей и, подвязав каменные грузила, за один раз наловить себе рыбы до полной потребности. Там и нынче в ходу сети, только японские монофиламентные. В Приморье и на Амуре тоже ловили рыбу сетями — как в стародавние времена, так и сейчас. Вот только та древняя, сплетенная из волокон конопляной или крапивной сетью давно уже превратилась из общинного орудия лова в индивидуальное, а монофиламентные сети, японские или китайские, нынче имеются почти у каждого запасливого мужичка, не чуждого рыболовству.

Канули в Лету многие орудия рыболовства, такие как лук и стрелы с плоскими широкими наконечниками, которые археологи называли срезнями. Срезень имел форму равностороннего треугольника, направленного к цели не углом, а плоской стороной. Убить животное или человека таким наконечником было трудно, а мгновенно обездвигнуть рыбу — запросто.

Исчезают элгу и марек, как исчезло и бывшее обилие рыбы. За многие годы скитаний по речкам я видел элгу лишь дважды в Охотском районе Хабаровского края. Острога же жива. Она во все времена оставалась инструментом индивидуальным, способным подчеркнуть личные качества рыбака перед его коллегами. С ней рыбак никогда не рассчитывал на везение. Удачу ему приносили лишь знания о реке, жизни и поведении ее рыб да острый глаз с умением владеть

добротно сработанным инструментом. Вероятно, не просто так сам Нептун держит в руках именно острогу, а не какой-то другой жезл, способный более достойно символизировать его власть в пределах водной стихии.

Реки побережья российского Дальнего Востока словно изначально были предназначены для рыбака, вооруженного именно острогой, хотя, конечно же, ясно, что это сам человек, исходя из условий среды, создал себе такой удобный инструмент. Острога, которые я видел у людей, бьющих рыбу по плесам Анюя, Хора, Бикина, Тумнина и до границы с Кореей, были почти копиями тех, что откапывали археологи на чжурчженских и бохайских стоянках. Острогами и гарпунами пользовались до недавнего времени нанайцы, тазы, удэгейцы и другие народы, населявшие Приморье и Приамурье. Во время экспедиции на Бикин в 1995 году я просил жителей поселка Красный Яр разыскать мне гарпун дзогбо. Оказалось, что его имели лишь два старика, и оба расставаться с ними не пожелали, считая дзогбо за особую реликвию — память о родителях. Найденная нами в Хасанском районе у бывшего села Верхнее Сидими откованная в двадцатых или тридцатых годах железная острога весом два килограмма у местных жителей вызвала замешательство: ведь достаточно крупных рыб в местных реках уже не водилось давно. Та острога была на крупную кету или симу; ныне же эти рыбы бывают здесь обычно не более трех килограммов весом. Есть повод тут вспомнить, что самцы кеты в приморских речках бывали и до четырнадцати килограммов, а симы — до девяти. А вот на реке Арзамасовке в Ольгинском районе видели мы острогу с шестью зубцами, разнесенными на полметра в ширину. Хозяин ее сидел на высоком берегу над нерестилищем кеты и, когда появлялась на плесе рыба, почти без промаха метал трехметровое древко с острогой. А какие грациозные острожки лежат в плоскодонных батах бикинских удэгейцев! Это же произведения искусства: трехзубые, с выступающим вперед средним острием, они всегда сработаны так добротно и аккуратно, что сразу видно: с любовью делал человек эту вещь, которая будет его кормить не один год. В поселке Красный Яр бикинские удэгейцы сами отковывали себе разборные острожки на ленков. Такая вещь всегда, что называется, с собой, потому что не займет много места в сумке инструментов для лодочного мотора «Вихрь». Чтобы собрать ее у речки, нужен нож, полметра веревки и пять минут времени. Размеры бикинских и иманских острог оптимальны для добычи среднего размера рыбы, в основном ленков. Близки им самаргинские цельнокованные остроги, но они более крупны и более зазубрены. Это и понятно: удэгейцы, живущие у рек, впадающих в Японское море, до сих пор добывают и крупного проходного тайменя, и такую же крупную, килограммовую по пять-семь, симу.

Эх, ушло безвозвратно в прошлое время 1958 года, когда с острогой мог по рекам ходить кто угодно и когда была написана книга П. Костромина «По таежному Приморью». В ней руководителям туристских групп секций туризма при краевом профсоюзном совете и секции туризма при Географическом обществе рекомендовалось снаряжать группы туристов-краеведов предметами, ныне считающимися атрибутами браконьерства. В статье 15 «Практических советов участнику походов по таежному Приморью» было указано: «Все общепотрядное имущество (палатки, котелки, ружья, боезапас, рыболовные сетки и остроги) на время похода должно быть закреплено за определенными туристами».

По существующим ныне правилам любительского рыболовства острога является запрещенным орудием лова рыбы. Однако на практике все не так. Ведь предмету, который кормил человека тысячи лет, трудно умереть в одночасье по чьему-то указу. Поэтому жива острога, и не перевелись еще виртуозно владеющие острогой рыбаки, а рыбнадзору не по силам обеспечить категоричность закона. Получается, что и история, и эволюция остроги еще далеко не окончены. После столь затянувшейся экспозиции мы наконец подошли к той самой истории, которая,

хотя и началась на Камчатке, но приключилась на реке Аввакумовке в Приморском крае. Здесь, как и на нескольких других реках побережья, мы ежегодно учитывали численность кеты на нерестилищах.

В моем дневнике записано: «Выехали 13 октября 1993 года». Несомненно, что это опасное число должно было негативно повлиять на наше путешествие, но где, когда и каким образом — оставалось загадкой. Наша экспедиционная группа состояла из пяти ихтиологов. Ехали на узике, который принадлежал нашему коллеге Виктору Цыгиру. Навалившиеся заботы дорожного бытия очень скоро оставили в забвении эту несчастливую дату нашего выезда — тринадцатое число. Нужно было купить хлеба и овощей, и мы интересовались по дороге содержанием магазинов Артема и поселка Надеждинского. Автомобиль мчал нас в Ольгинский район, где в октябре таежные дороги с обеих сторон обвешены калиной, виноградом, актинидией и лимонником, а реки кишат кетой. Об ольгинских реках и их кете наслышались мы всякого. Что это страна непуганых браконьеров, что здесь берут лишь икру, а пятикилограммовых рыб разбрасывают за ненадобностью по прибрежным кустам; что со всего края наезжают сюда специалисты по дармовой рыбалке, тоннами солят рыбу в огромных закопанных в землю емкостях, а вывозят ее зимой, когда нет постов на дорогах. Рассказывали также случаи, когда в такие ямы-ловушки проваливались люди.

В наших личных планах подобных рыбалок не числилось. Много лет подряд мы, группа ихтиологов, приезжали на реку Аввакумовку для ежегодного учета численности рыбы в реке. Еще мы наведываемся к здешним рыбопромысловикам, чтобы, измерив несколько сотен кетин из их улова и взяв у рыб чешую, составить для родного НИИ научный отчет о биологическом мониторинге, а для промышленности — прогноз о подходе на нерест потомков этих рыб.

Девять часов тряслась машина по ухабам приморских дорог, девять часов не выпускал из рук баранку наш водитель, в миру научный сотрудник. Сжеванных на ходу бутербродов с сыром было явно недостаточно для нормального питания полноценных мужиков, и все мы давно уже ощущали муки голода. Готовить ужин и ночевать решили на реке Арзамасовке. Не в первый раз мы прибывали на эту реку, и поэтому любимое место, где с удовольствием можно будет отужинать, философски созерцая бесконечность текущей воды и слушая говор переката, у нас уже имелось на примете. К нему и подъехала наша машина. Приятно было сознавать, что В. К. Арсеньев со своим отрядом шел сюда той же самой дорогой более двух месяцев, а мы домчались всего лишь за полдня. Запылал костер, загремели котелки, полетела кожура с картошки, свеклы и моркови. Назревал русский борщ из китайской тушенки. Тушенку, банка которой стоила больше, чем мы получали командировочных в сутки, было жаль, но ловить на уху рыбу, которая нерестилась и плескалась тут же рядом на плесе, было не в наших правилах: с самых времен работы на Камчатке мы не жалуем рыбу в брачном наряде. Там это считается весьма дурным тоном, достойным лишь медведей, ведь кругом много другой, более качественной рыбы. Лишь местные жители Приморья любую рыбу уписывают за милую душу, не философствуя о высоких кулинарных критериях, или солят на продажу.

Итак, мы торопились поужинать засветло, потому что до темноты оставалось не более сорока минут. В это время от подъехавшей немного ранее на ГАЗ-66 компании к нам подошел делегат. Он осмотрел всех нас внимательно, вычисляя,

кто же из нас начальник. Может быть, из-за того, что я оказался к нему ближе всех, выбор его остановился именно на мне. Вкрадчивым, но уверенным голосом он спросил: «Мужики, вы сетку-то будете ставить или нет? Время-то уходит». И он показал пальцем в темнеющее небо. Я понял, что мы заняли их промысловый плес, небольшая глубина которого позволяла вбивать колья для постановки сетей. Другого такого удобного места близко не было. Я сказал, что мы не собираемся рыbachить. «Вы — туристы?» — начал допытываться делегат. Я снова ответил отрицательно. «Не рыбинспекция ли?» — в его голосе не слышалось, однако, и тени страха. «Да нет же, мы просто на природе поужинать приехали», — ответил я, но, видимо, не очень убедительно. «Ой, обуешь, начальник, если мы сетку здесь поставим», — безнадежным тоном произнес мой собеседник. Я никогда не имел отношения к рыбинспекции, но вдруг меня посетила мысль, что на завтрак вполне можно было бы поесть жареной рыбки, если ее белое мясо обильно присыпать специями. Тонем, как можно более серьезным, сказал: «Мы весь день были в дороге, очень устали и сейчас упадем спать, но, если наутро для нас образуется рыбный хвостик, мы будем не против вашей рыбалки». Делегат ушел с этой вестью к своим. ГАЗ-66 подъехал к плесу, из него вытащили целый ворох металлической арматуры, кувалду и сети. Мой новый знакомец подошел ко мне еще раз: «Ох, чую, обуешь, начальник», — начал он подозрительно, полминуты помолчал и неожиданно резко закончил свою мысль длинной тирадой классического мата, всю витиеватость смысла которой можно было бы свести к одной короткой фразе: «Ну и... черт с ним, с этим делом!»

Вот так и случилось, что под звонкую музыку кувалды, которая в таежной тиши была по арматуре, мы ели арзамасовский борщ, заедая его артемовским хлебом и надеждинским чесноком. Уже совсем стемнело. Над Арзамасовкой сияли звезды, Гемма в любимом моем созвездии Северной Короны испускала какой-то особый жемчужно-бархатистый свет. Скоро мы уже устроились под одеялами в машине. По окнам прыгали блики догорающего костра, слышалась возня незнакомых людей у сети, шлепанье рыбьих хвостов о воду. Казалось, не было уже никаких причин вспоминать, что сейчас все еще тринадцатое число. Чья-то последняя фраза, поплывшая по темноте перед тем, как всем окончательно заснуть: «На черта ты пустил их на плес...» — осталась совершенно безответной.

Утренний свет выгнал нас из-под одеял. Ноги первого выходящего из машины опустились на что-то мягкое. У машины лежали две рыбины, которые давали нам право не сомневаться в благородстве законов браконьерской братии. Первая была отнерестовавшим самцом симы в полном брачном наряде и горела в пожухлой осенней траве ярким малиновым боком. Есть такую рыбу совершенно невозможно, однако для нас, научных сотрудников, этот явно запаздывающий к нересту экземплярчик представлял несомненный интерес: мы тут же измерили его и взяли чешую для определения возраста. Вторая рыба была серебристым самцом кеты, недавно, видимо, вошедшим в реку и поэтому имевшим вполне съедобный вид. Ожил костер, и остатки чая, превратившиеся за ночь в наших кружках в ледяной монолит, сразу оттаяли. Но заколодевшая по утреннему заморозку рыба отморозила мне все пальцы прежде, чем я разделал ее на куски для жарения. Лишь горячий чай мог поправить дело, и мы пошли с опустевшим котелком к реке. У того места, где стояла сеть, мы неожиданно нашли острогу, забытую ночными рыбаками, и двух самок кеты, вскрытых на икру. Острога пригодится для коллекции браконьерских орудий лова лососей в Приморье. Одну такую коллекцию из четырнадцати предметов мы уже собрали и передали в музей Дальрыбвтуза во Владивостоке.

К восьми утра чай был готов, а на сковородке в кипящем масле подрумянивались куски кеты. За их состоянием зорко следили несколько пар глаз; не успевая

еще остыть, рыба тут же съедалась. Наш завтрак был прерван переезжавшим через Арзамасовку КамАЗом. Он достиг нашего берега, притормозил, и в том месте затрещали кусты. Через метров пятьдесят КамАЗ притормозил еще раз и, проехав немного, остановился. Не нужно было быть ни военным, ни охотником, чтобы понять, что мы окружены по всем правилам боевой тактики: прижаты к реке и оказались в центре загона. Из кустов вышли двое в милицмейской форме с автоматами АКС 74-У и двое в штатском: «Как рыбалка?» В ответ на этот риторический для здешних мест вопрос нам следовало бы, по их мнению, сразу же поднять руки вверх. Наше утверждение, что мы вовсе не рыбаки, вызвало у всех четверых приятную улыбку. Мокрая острога, рыба на сковородке — это ли не криминал? «Эх, пропал экземпляр для коллекции», — засело у меня в голове. Милиционеры принялись со знанием дела проверять содержимое наших рюкзаков и даже полевых сумок, в которые может вместиться разве что бутерброд с криминальной икрой. Один из штатских показал удостоверение инспектора рыбохраны, другой ограничился тем, что буркнул, что он является общественным рыбинспектором. Мы рассказали о ночных рыбаках, оставивших рыбу. «Шестьдесят шестой? — с живостью подхватили инспектирующие. — Да ведь мы его взяли. Они поймали двадцать четыре хвоста. И сети были при них, и арматура, и та самая кувалда!» Тем не менее тут было не принято верить в подаренные хвосты и нам все-таки пришлось достать удостоверения научных сотрудников и командировки от института. После этого рыбинспектор счел наши доводы убедительными и посчитал инцидент исчерпанным, тем более что в машине и наших вещах милиция не обнаружила никакого криминала: ни сетей, ни ружей. Однако общественник решил, что его песня еще не спета. Взгляд его остановился на ноже, воткнутом в березовое бревно там, где мы разделявали рыбу. «Вы понимаете, это же криминал», — сказал он громким голосом и настолько серьезным тоном, что рыбинспектор и парни с автоматами разом повернулись разглядеть опасную штуковину. Увы, это был всего лишь столовый нож, правда с не лишённой дизайнера самодельной рукоятью. Мы знали, что он не подпадал ни под один из известных всем нам «криминальных» признаков и последние лет десять по несколько раз в год летал самолетами Аэрофлота, успешно проходя его строгий контроль. Ох, совсем не таким, как наш Аэрофлот, оказался общественный рыбинспектор. Он вознамерился конфисковать нож, несмотря на то что в ходе диалога быстро выяснилось, что ясно сформулировать свои претензии он неспособен, а о критериях, определяющих разницу между столовым прибором и оружием, понятия не имеет. Безуспешного спора не выдержал старший рейдовой группы и сказал: «Ну, хватит!» Все инспектирующие лица удалились наконец. Мы не махали им вслед рукой, а тоже засобирались в дорогу. Отвоеванная миска жареной рыбы и острога для коллекции благополучно следовали с нами. Мы шутиливо спросили хозяина ножа, почему он не захотел подарить его: уж очень сильно просили. Ответ был прост и краток: «Этот нож со мной семнадцать лет, а того человека я вижу первый раз». Мы сочли это весьма убедительным аргументом.

Путь наш лежал на приток Аввакумовки — реку Васильковку. Мы выехали на трассу, и почти сразу же нас остановил наряд милиции. Внимательно оглядев салон нашего УАЗа, они спросили, как нам показалось, с явным оттенком равнодушия: «Рыба и икра есть?» Мы ответили отрицательно и получили разрешение ехать дальше. Ясно было, что мимо такого наряда можно было провезти все, что угодно, кроме горы мокрых мешков, из которых торчали бы рыбы хвосты. Выехав с трассы на полевую дорогу, мы в скором времени оказались у русла реки Аввакумовки напротив села Пермского. Здесь не было никаких нарядов и инспекций и по вытоптаным многими поколениями браконьеров торным дорогам вдоль берегов ходили десятки людей. У одних в руках были якорьки-кошки или остроги, другие

деловито вытаскивали из багажников автомобилей сети, где-то у мыска в надувной лодке тоже возились с сетками люди. Был полдень, и картина эта была похожа отнюдь не на скрытное браконьерство, а на обычный рабочий день у серьезных людей. К сожалению, мы не смогли переехать реку из-за высокого уровня воды. Там, за переездом, располагались нерестилища кеты, и нам необходимо было выяснить численность рыб. Мы размышляли у полноводной реки, как нам ее перемахнуть — по воздуху, что ли? Но нет, недаром в экспедиционных группах люди подбираются смекалистые. Уж кому, как не нам, много сезонов проработавшим около рыбацких станов и заоек лососевых заводов, было знать, где именно кучкуются транспортные средства, когда в реки заходит кета. Там, где ее ловят, можно увидеть не только трактора и автомобили, но вертолеты и даже бронетранспортеры и танки. Танк нам в этот раз был не нужен, но вертолет... У нас оставалось еще полдня светлого времени и одна хорошая идея. Мы развернули машину к устью реки, в бригаду рыбаков.

У самого поворота к поселку Ольга нас снова остановил пост милиции и такой же, как у села Пермского, равнодушный голос спросил про рыбу и икру. Вам нужны браконьеры? И мы наперебой начали объяснять, где нынче в изобилии водятся браконьеры и что видели мы их только что. Но оказалось, что у этого наряда милиции было конкретное задание на конкретной точке, а ездить по речке в их планы не входит. Удержаться от обсуждения такой странной стратегии охраны нереста кеты мы просто не смогли. Это что же получается? Возможность легкого проникновения людей на нерестовую реку не пресекается, а сторожат затем голубчиков-браконьеров на дорогах, когда у них будет полный мешок криминала. Как обидно биологу — эту кету позволили выловить прямо с нерестилищ, куда она шла из океана тысячи километров. Когда рыба выловлена, она никогда уже не отнерестится. Но зато как хорошо милиции и рыбинспекции — образуется куча протоколов, вот вам и отчет о работе. Рассуждения с гражданами в милицейской форме привели к очень неожиданному для нас результату: наш водитель был оштрафован за то, что тексталон на машину находился у него в водительских правах, а не на ветровом стекле.

Прибыв в промысловую бригаду, увидели здесь и наших знакомых: рыбинспектора и общественника. Все здесь сейчас наблюдали, как ЗИЛ-157, стоящий прямо в морской воде, подтаскивает крыло большого закидного невода. Когда невод был вытащен, рыбаки, одетые в желтые непромокаемые костюмы, перегрузили пойманную кету в кузов ЗИЛа. Закончив работу, они скинули водозащитную одежду и подошли к нам. Боже мой, это же был подарок для общественника: все рыбаки были подпоясаны ремнями, на которых висели внушительных размеров самодельные ножи. Однако он и внимания не обратил на этот факт. Еще бы, перед ним стояли не интеллигенты, а простая рабочая публика, которая была способна запросто заехать по сусалам.

Неожиданно из-за сопки, в самом деле, вынырнул вертолет и приземлился недалеко от рыбаков. Мы живо смекнули, что это как раз тот шанс, когда нищая наука вполне может за чей-то счет попытаться выполнить аэровизуальные наблюдения на нерестилищах кеты, куда мы не смогли добраться час назад из-за высокой воды. Стороны быстро договорились, и один ихтиолог вместе с рыбинспекторами пошел к вертолету. За двадцать минут с борта вертолета будет сделана работа, на которую без него нужно было бы затратить целый день. Здесь же, на берегу, находился районный рыбинспектор, мы подошли к нему поделиться впечатлениями, а заодно спросили его, почему за браконьерами здесь гоняются на КамАЗах. Ответ оказался очень простым: высокопроходимого транспорта нет, а при высокой воде речку на легком узике не переедешь. Вот и исхитряются инспекторы: поймав на

браконьерстве шофера подходящей машины, в качестве искупления вины заставляют его весь день возить их по речке. «А это ваш вертолет?» — спросили мы. Да нет, это чужой, он просто работал в этом районе и залетал по дороге. Это что-то вроде нашей традиции, выручаем друг друга часто.

...Вертолет между тем вернулся и тут же из него начали выгружать внушительное количество сетей. Оказалось, что рыбинспекция прихватила на браконьерском лову своих же коллег, только из другой инспекции, присланной по указанию свыше в такой горячий период из малорыбных краев сюда на помощь. Оказывается, такие случаи отнюдь не уникальны и случаются. Рыба досталась вертолетчикам за работу, сети остались у районного рыбинспектора.

Обратная дорога была точно такой же длинной и скучной, как и наш недавний путь сюда из Владивостока. Вдобавок к этому, она сразу же начала клонить всех в сон. Я успел лишь подумать, что если бы это была моя первая поездка в жизни, то я не заметил бы ни острог, ни нерестилищ кеты, ни многого другого и смог бы рассказать потом разве что о стахановских уловах у рыбаков или о бравых действиях рыбинспекции.

...Разбудили меня уже почти у дома. Все экспедиции, даже сверхуникальные и архинаучные (не чета этой короткой поездке), оканчиваются вполне обыденно. С рюкзаком, в котором, на взгляд нормального человека, лежит всякая чушь вроде чешуи в бумажках с номерами и рыбьих мальков в формалине, подходишь к дверям своей квартиры с очень ненаучной, но типично владивостокской мыслью: «А имеется ли нынче горячая вода?» Первыми у порога встречают, конечно же, домашние животные. Собака шалит от странной смеси запахов вольной природы и бензина, пропитавших куртку, кошка тоже старательно обнюхивает одежду, ловя возможные рыбные запахи. Пока в ванну наливается вода, всегда можно найти момент взглянуть на заголовки свежих газет. Ба! Знакомая тема: месячник охраны лососевых рыб. Так... «дело государственной важности...», «рыбинспекции снабжены автотранспортом...», «вертолеты... задействованы...», «рыбинспекторы присланы из других районов...», «привлечены силы милиции...». А ведь правильно все написано, именно так и есть. Что-что, а уж реалии наших речек мне хорошо известны, подумал я, развязал тесемки рюкзака, достал произведение неизвестного слесаря и выложил его на полку. Арзамасовская острога громко звякнула о зубья уже лежавших здесь похожих на нее изделий народных мастеров.

ИСТОРИЯ БУТЕРБРОДА С ИКРОЙ

В древности россиянин, не мудрствуя лукаво, запарил бы икру пойманной им рыбы в горшке. Во времена царя Алексея Михайловича на праздничный пир могли подать икру, отваренную в уксусе или в маковом молоке. Но со времен, когда соль на Руси перестала быть дефицитом, икра красной рыбы стала традиционным предметом потребления и торговли. Необходимо тут заметить, что красной рыбой в России называли осетров, дававших, как известно, черную икру. Таким образом, традиции российского икорного бутерброда начались с черной осетровой икры. Приготавливать лососевую икру паюсным переделом, подобно черной осетровой, стали еще первые русские землепроходцы Камчатки и Америки. Знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук на своих кораблях посетил в 1778 году русское поселение на острове Уналашка и записал: «Когда мы ближе познакомились с русскими, многие из офицеров наших ездили в российское селение и всегда были приняты очень хорошо. Я ел приготовленное ими китовое мясо; икра, сбитая

вроде сухого пудинга, служит им вместо хлеба; настоящего хлеба имеют очень мало и им лишь лакомятся».

Природа наделила Приамурье огромными запасами рыбы. Ее добыча обеспечила этому долго пребывавшему в запустении уголку быстрый расцвет экономической жизни. Бухты около Владивостока, Ольги, Императорской Гавани и Де-Кастри кишели сельдью, навагой и корюшкой. В реку Уссури заходило около десяти миллионов штук кеты — это было около сорока процентов всей осенней кеты Амура. Во все реки побережья заходила нереститься кета, горбуша и сима. Казаки, военнослужащие и крестьяне-переселенцы, в ком сохранялись добрые традиции российского рыболовства, на Амуре-батюшке хорошо представляли себе, с чего надо начинать обустройство. Рыболовство приносило настолько большой доход, что новоселы, бывало, принимались за рыбалку, не достроив избу и не допахав поле. И, конечно же, на особом счету была красная икра, история которой такая же древняя, как и сама Россия.

Когда первые русские пришли на Амур, они оценили калужатину и осетрину гораздо выше лососины. Местное население — нанайцы и удэгейцы, по свидетельству знаменитых путешественников, отваривали икру кеты и других рыб с чумизной кашей и почитали это блюдо за доброе лакомство. Икра осенней кеты, в самом деле, была одним из любимых блюд народов Амура. Ее варили с кашей, жарили, сушили, а с XIX века — солили. Сушеную икру брали в поездки и на охоту, так как это был высококалорийный продукт. Особым блюдом удэгейцев и орочей считалась в те времена юкола или отварная рыба, пережеванная вместе с икрой или ягодами и залитая жиром. Его обычно подносили гостю в знак особого расположения.

Со второй половины XIX века началось промышленное освоение рыбных богатств Дальнего Востока. Справочники Европейской России начала XX века сухо отметили, что в среде железнодорожников называют красной рыбой также и лососевых рыб. Тем не менее в Россию рыбы поступало совсем мало: хотя Западно-Сибирская железная дорога и начала действовать в 1899 году, на новый для России продукт совершенно не было рекламы. А это, как мы сейчас уже хорошо знаем, был один из главных факторов. К тому же местные купцы старались «не пущать» чужой товар на свои рынки. Кета под названием «амурская семга» еще находила сбыт, но красная икра покупалась совсем плохо. В некоторых петербургских пивных в рекламных целях кетовую икру отпускали желающим бесплатно. Поэтому до 1905 года лососей с Дальнего Востока вывозила в основном лишь Япония. Этому способствовал ряд экономических причин: дешевизна морского транспорта, близость мест сбыта и надежность спроса. Крепко соленая рыба с несоленным отварным рисом являлась традиционной и дешевой пищей большинства японцев. Спрос же на икру у них был невысок. Причиной, вероятно, был способ посола: в первое время русские ее солили, как и черную осетровую, паюсным переделом, то есть с отжимкой под прессом. Японцы поступали еще проще: ястыки слоями выкладывались на соломенные циновки и слой за слоем пересыпались солью: получалось подобие паюсной икры, но низкого качества. Зная, что на икру не существует спроса ни в России, ни в Японии, русские рыбопромышленники ее не приготавливали, ограничиваясь маленькими партиями для местного потребления. Укупоренная в деревянные бочонки без полотна и пергамента, красная икра поступала на рынки Сибири и Харбина, где ее продавали даже в мерзлом виде, вырубая покупателю из бочонка требуемое им количество. Дома икру оттаивали и ели. Много в то время было разговоров о секретах икрянщиков, об их тонком знании посола, о спасительных «специалках», то есть порошках различных антисептических веществ. Высококачественная соль, необходимая для посола икры,

покупалась далеко — в США, Германии и некоторых других странах. Стоила она весьма дорого. Так как спрос на икру был невелик, то тратить на нее дорогостоящую соль не было особого смысла. Поэтому большинство промышленников икру просто-напросто выбрасывали. Она считалась отбросом производства, не имевшим решительно никакой ценности. Кстати, и на Аляске до тридцатых годов икра лососей шла вместе с кишками на выработку тука...

Иногда красная икра находила и вовсе неожиданное применение. История бесстрастно зафиксировала факт, что, когда в прошлом веке в Николаевске-на-Амуре стала дефицитом извесь, жители начали толочь в бочках икру и образовавшейся молочно-белой белковой массой пытались белить хаты.

С началом Русско-японской войны в 1904–1905 годах доступ японцев к русскому лососю, которого они ловили на арендованных ими богатейших рыбопромысловых участках Камчатки и Амура, оказался закрыт. Рынок Японии также закрылся для русских рыбопромышленников, однако появился покупатель в лице военного интендантства, давшего заказ на соленую рыбу для армии. Армия состояла, естественно, из выходцев из европейской части России, и нежесткие лососи с их красной икрой не могли не понравиться одетым в военную форму едокам: рыба получила наконец заслуженную рекламу. В справочных книгах появились рекомендации по приготовлению и употреблению лосося, такие как нежелательность использования уксуса и сахара при отпуске (отмоке) соленой рыбы. Особое внимание обращалось на то, что голову лососей не следует выбрасывать, так как она богата хрящами и «приятно разнообразит постный стол». Военная медицина уведомяла, что «ежедневное употребление икры смело можно рекомендовать страдающим упадком сил, истощенным и худосочным. Небольшое количество икры перед едой усиливает аппетит».

В 1907 году на Амуре масса икры еще выбрасывалась при чистке рыбы. Но в 1908 году спрос на икру в России резко увеличился. Русские специалисты-икрянщики двинулись в Охотско-Камчатский край скупать на японских промыслах икру-сырец и готовить из него соленый продукт. В отличие от японцев, они производили посол этого продукта в растворе поваренной соли: икра была очищена от пленок и пробита через грохот — специальную сетку. Такой товар назывался зернистой икрой. В 1909 году японцы продавали русским икру по пятьдесят копеек за керосиновую банку (около пятнадцати кг). В 1910 году цена поднялась до одного рубля пятидесяти копеек за банку. Неожиданно икра, приготовленная новым для японцев способом, пришлась им очень по вкусу, а главное — быстро нашла спрос в Японии! Предприимчивые японцы начали учиться у русских икрянщиков новому методу посола, ведь обстановка на рынках совершенно изменилась: железные дороги России работали ритмично, реклама продукции из дальневосточных лососей наконец-то состоялась и родила хороший спрос на них. Теперь почти вся лососина и икра с Амура поступала в Россию, а не в Японию. Только в 1913 году с Дальнего Востока по железной дороге перевезли в Санкт-Петербург сорок девять тысяч, в Москву девяносто четыре, в Варшаву три тысячи пудов икры. Даже избалованные рыбной продукцией астраханские купцы закупили две тысячи пудов кетовой икры. А всего в списке 1913 года числилось двести восемьдесят названий одних только российских городов, куда с Дальнего Востока вывозилась икра. Одна лишь икра нерки, которая и до сих пор считается у гурманов горькой, выбрасывалась в отходы до тридцатых годов.

В 1970–1980-е годы на внутренний рынок Советского Союза ежегодно поступало около двух тысяч четырехсот тонн красной икры. Кому-то было очень выгодно создавать мнение, что вся икра идет за границу, и мы этому вполне верили. Однако Франция, Япония и некоторые другие страны покупали ее у нас ежегодно лишь

около двадцати тонн. Остальную икру благополучно съедали в Союзе, покупая ее в основном в спецбуфетах или в магазинах, но с черного хода. И черной осетровой икры, которая с XVII века являлась традиционным предметом русского экспорта, мы ежегодно продавали сто пятьдесят тонн, себе оставляли тысячу шестьсот тонн, да еще покупали семьдесят тонн в год в Иране.

К 1990-м годам резко возросла численность горбуши и кеты, наших основных «икорных» лососей. Пляжи Сахалина в начале 1990-х были завалены дохлой горбушей. Но в России уже царил экономический хаос и инфляция. Люди быстро поняли, что такой «красный товар», как икра, не подвержен действию инфляции наравне с иенами Японии и долларами США. Вялое законодательство не различало икру, закупленную у фирмы, от икры, закупленной у браконьера. И работа пошла. Берега нерестовых притоков Амура, рек Сахалина и Камчатки были покрыты вспоротыми на икру и брошенными самками. Множились кустарные и подпольные цеха по переработке рыбы и икры. Икра стала продаваться в любом месте. Однако благодаря инфляции, цена ее возросла во много раз. Самое обидное, что стартовая ее цена была относительно доступна покупателям, однако за счет многократной перекупки различными фирмами и кооперативами взлетала неоправданно высоко.

В портах икрой пацаны расплачивались за престижные японские мокики, которые им привозили моряки, взрослые продавали многочисленным «купцам», меняли ее на водку или необходимые товары. В деревни потянулись микрогрузовики и «рефки» с мукой, сахаром, солью, водкой. Все это менялось на икру и рыбу. Часто бывало, что подрастающий сын в июле — сентябре кетой и икрой легко обеспечивал средства для существования и себе, и всей семье до следующего сезона. Под заработок от икры, которая еще только будет добыта осенью, в течение года занимали деньги. Нерестилища лососей, расположенные на далеких притоках даже в зоне полного бездорожья, «бомбились» вчистую.

К 1995 году и до государственных структур дошло наконец-то кое-какое представление об истинных объемах браконьерства в стране. Никогда до этого не публиковавшиеся данные стали появляться в открытой печати. Ежегодные итоги операции «Путина», изначально планировавшейся как заслон иностранным браконьерам в территориальных водах России, засвидетельствовали немислимые масштабы своего доромощенного браконьерства. «Комсомольская правда» в своем приложении «Экстра» в январе 1995 года сообщила: «Подведены итоги операции «Путина-95». Она охватывала территории Дальневосточного, Северо-Западного, Северо-Кавказского и некоторых других регионов России. В целом по стране задержаны и привлечены к уголовной ответственности свыше 87000 правонарушителей, у которых изъято более 11 тонн икры осетровых рыб, около 10 тонн икры лососевых рыб, более 900 тонн рыбы. У браконьеров было конфисковано более 37 тысяч орудий лова, 22 тысячи сетей, 968 плавсредств. Пресечена деятельность 19 подпольных цехов по производству баночной икры и балыка. Сумма штрафов и исков превышает 9,4 млрд рублей (или более 2 млн долларов)».

Эта публикация двадцать пять лет тому назад была призвана напугать масштабами браконьерства у нас в стране. Однако, если не торопиться пугаться раньше времени, сначала вспомните, что такой скрытный вид преступлений, как браконьерство, у нас, согласно статистическим исследованиям, раскрывается лишь в пяти-семи случаях из ста. Арифметически это означает, что в карман браконьеров ушло продукции на сумму около двухсот пятидесяти миллионов долларов. После 2000 года газеты регулярно сообщают об изъятых у браконьеров сотнях километров сетей, сотнях тонн лососевых рыб, десятках тонн осетровых рыб. Нелегальную икру только на Амуре считают десятками тонн, а еще есть Камчатка, Сахалин... Если считать заработки браконьеров, счета на миллионы долларов, возможно, уже

не хватит! Сколько же лет продолжалось избиение лососей на нерестилищах? И вот в 2005 году в федеральном журнале «Рыбное хозяйство» появились предложения специалистов бороться с браконьерством не милицией и группами «маски-шоу», а законами о торговле и рыболовстве.

К сожалению, российская красная икра не приобрела такой же узнаваемый бренд, как черная икра или камчатский краб. Судя по реалиям, ей еще далеко до мировых стандартов. Посмотрите на рыбный ряд на Центральном рынке Хабаровска: большинство этикеток гласит «Икра лососевая». Но «лососевая» икра бывает только у браконьеров, которые валят ястыки самок всего улова в один кубитейнер. Эту икру можно сразу отличить: размеры и цвет икринок одной и той же партии икры различны! А вот икра кижуча и нерки горчит, поэтому, например, в Японии вы не увидите ее на прилавках. Нынче горчить может и икра горбуши, посыпанная для лучшей сохранности бурой, уротропином или чем-либо еще из арсенала антисептиков XIX века. Сейчас во многих странах уротропин считается ядом. Почему хабаровчане должны платить за икру больше, чем японцы или американцы, — мне совершенно не ясно! И то, что в 1999 году икра стоила сто сорок — двести пятьдесят рублей за килограмм, а сейчас — до пяти тысяч рублей, мне тоже непонятно: тут дело не только в курсе доллара. Престиж стола? Да купите вы слабосоленых сельдевых ястычков. Дешевле, а вкус изумительный! Это я вам говорю как искушенный специалист! А уж явление икры чавычи на рынок Хабаровска просто феноменально! Уже более десяти лет российский Дальний Восток добывает менее пятисот тонн чавычи. Это всего-то двадцать пять тонн икры. Что же, вся она собралась в Хабаровске по цене около пяти тысяч рублей? Кижуча Россия ловит тоже немного — около тысячи тонн. А вот нерки — от десяти до двадцати тысяч тонн. Ох, не раз я подозревал, что хабаровчан и сибиряков, как рыночных лохов, причинно (и не за бесплатно), вполне могут снабжать икрой нерки под этикеткой «икра кижуча» и др., которую нормальный камчадал не ест.

Сильно соленая или горькая (от допотопных антисептиков) икра могла быть приготовлена в антисанитарных условиях, без холодильных установок, или просто закуплена у браконьеров, которым не до тонкостей технологий посола. Это признак непрофессионализма или нелегальных дел. Не финансируйте нерадивых и случайных производителей, а также перекупщиков браконьерской икры.

Пятый и самый настоятельный мой совет: вам стоит сменить застольное пристрастие к рыбным яйцам! Сейчас мода на все американское, вот и ешьте салаты и пиццы себе на здоровье. Да и пост нынче становится модным, пусть и это будет хорошим поводом. Весь мир питается в соответствии с сезонами, и русские тоже считают, что каждому овощу — свое время. Осень — пора лососей. Поели икорки и успокоились до следующей осени.

История бутерброда с икрой, впрочем, не окончена и будет продолжаться до тех пор, пока в России не перестанут водиться лососи. Но, поверьте, будет обидно, если продукт, торговля которым принесла в свое время имя, честь и славу российским предпринимателям Дальнего Востока, останется в наши дни всего лишь предметом коммерции мелких компаний и лавочников.

КАК Я СТАЛ КОЛЛЕКЦИОНЕРОМ

Коллекционированием, как это положено, я занимался еще в школьные годы. С течением времени благополучно прошло и это увлечение, и школьные годы. С той поры, когда я стал ихтиологом, рыбохозяйственные интересы затмили все другое. Но как же в полевом маршруте по рекам Приморского края пройти мимо лежащих

на берегу реки изготовленных руками древнего человека орудий рыболовства? В осыпающихся берегах рек, там, где ранее жили люди, можно найти и каменные наконечники стрел, и заржавевшие железные остроги. Как-то сами собой эти находки попадали в рюкзак и приносились домой. Эти изделия годами лежали у меня на полках этакой пассивной массой, ожидая реализации известного философского закона — перехода количества в качество.

В 1998 году я переехал жить с морского побережья Приморского края на берега Амура в Хабаровск. Многоорукавное русло Амура здесь очень динамично: постоянно после паводков образуются новые протоки, в воду обрушиваются берега и т. д. Выезжая на рыбалку в окрестности Хабаровска, я обнаружил, что берега проток несут многочисленные следы древних культур, в том числе и остатки орудий рыболовства. Первой реакцией на найденные вещи была попытка вставить артефакты в систему местных культур и периода их существования. В библиотеках и у себя на книжных полках я поднял достаточный объем этнографической и археологической литературы, чтобы иметь общее представление о своих находках. В книгах о материальной культуре чжурчжэней, нанайцев, нивхов мы находим лишь упоминания о рыболовстве и описание некоторых орудий лова. Обнаружилось, что книг и научных обобщений о древнем рыболовстве на Амуре просто не существует! Знакомые археологи и этнографы сказали мне как-то по секрету, что писать о рыболовстве никто из них не решается — это, по их мнению, сможет только специалист по рыболовству, который имеет большой практический опыт, а таких среди этнографов пока нет. Мною была задумана идея книги.

Итак, если книга об истории рыболовства на Амуре — этап качественный, то на этапе количественном мне предстояло много чего собрать. Вот очередная удача: представление о технологии выделки рыбьей кожи и о живых мастерах древних амурских производств я почерпнул из замечательной этнографической книги Елены Глебовой «Метаморфозы рыбьей кожи». А древние остроги мне посоветовали найти в хабаровском клубе коллекционеров. Там я и встретил Виктора и Александра, которые, как и я, часто ездили по окрестностям Хабаровска, но не на рыбалку, а в поисках китайских литых монет и прочих древностей. Нужны древние орудия рыболовства? И из рук моих новых друзей в мои мгновенно перекочевала масса крючков, острог и прочих железяк. Рассмотрев их внимательно, я выудил из этой кучи один необычный плоский крючок, и несколько месяцев спустя при поддержке археологов из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН мы с Виктором опубликовали в научном журнале «Россия и АТР» статью «Некоторые особенности рыболовства на Нижнем Амуре». На предложение совершить совместную поездку по берегам Амура я ответил Виктору и Александру согласием.

В старенькую «Волгу ГАЗ-2410» грузились рюкзаки, болотные сапоги, спальные мешки. На автотрассе Хабаровск — Комсомольск в салоне «Волги» шел оживленный разговор о прежних поездках. Я слушал рассказы о том, как были найдены монеты и печати, которым уже более тысячи лет, бронзовые зеркала с сюжетами о драконах и рыбах и прочие удивительные вещи. Поездка планировалась на несколько майских дней. Место находилось в ста двадцати километрах от Хабаровска на берегу протоки Челнинской. Здесь течение размывало крутой берег и в осыпающейся земле местные жители уже лет десять подряд находили керамические черепки, монеты и всякие древние железки. Со временем об этом месте узнали и коллекционеры. Время для собирания древностей было удачное: уровень воды в Амуре очень низкий и обнажение береговой линии поэтому максимальное. Дождей давно не было.

Полевая дорога, шедшая вдоль протоки, была сухая, и лишь глубокие колеи напоминали о тех временах, когда здесь стояла вода и колеса машин проваливались в почву по оси. Яблони по краям полевой дороги — в буйном цвету. «Волга» легко преодолела путь от автомобильной трассы до протоки. Мы вышли на берег. Лето еще не началось, но весна была в полной силе. Вокруг все чирикало, жужжало и всеми признаками выражало весеннее настроение. Наше настроение было таким же радужным, ну а комаров и мошку мы старались не замечать. Подошли к кромке берега протоки. На наших глазах шел активный процесс эрозии: крутой берег без пляжа подмывался водой протоки и активно осыпался вместе с луговой растительностью.

Стремление найти здесь орудия рыболовства было сразу же вознаграждено. В осыпающемся берегу протоки под слоем дерна Александр обнаружил массивное грузило из вулканического туфа с биконическим отверстием. Вероятно, пару тысяч лет назад человек приложил немалое умение и затратил изрядные усилия для сверления этой гальки сначала с одной стороны, потом с другой, чтобы образовалось отверстие, в которое можно было бы продеть крапивную или конопляную веревку. Грузила такого типа могли использоваться и в неолите, и в Средние века для стационарных орудий лова большого размера: верш, плетенных из ивовых прутьев, или для большого общинного невода.

Дальше по береговой полосе вода вымыла из глинистой почвы какой-то ржавый ком. Я сдавил его пальцами, и у меня в руке оказался кованый железный крючок. Место крепления крючка к поводку было уплощено ковкой перпендикулярно плоскости крючка, а тело цевья уплощено параллельно крючку. Этим технологическим приемом были достигнуты две цели: мастер, прекрасно зная, какие крупные рыбы водятся в Амуре, придумал своей конструкции наибольшую жесткость и обеспечил упор для нити, чтобы крючок не сорвался с поводка. Высота цевья составляла тридцать пять миллиметров, борода отсутствовала. Этот крючок состоял не из железа, а из ржавчины, и это означало, что ему не сто и не двести лет. А сколько же? Трудно оценивать возраст подъемного материала... Вероятно, возраст этого крючка был таким же, что и у других предметов, которые вымывала в этом месте из берега река. Предметы эти, судя по археологической литературе, принадлежали к покровской культуре.

Всю вторую половину дня коллекционеры обследовали обрыв. К моему удивлению, находок было немало. Здесь был культурный слой IX–XII веков. У самой кромки берега, омытые водой, лежали монеты китайских династий Тан (VII–IX века), Сун (X–XI века) и остатки изделий из железа и бронзы — фрагменты ножей, пряжек, подвесок. Было найдено и несколько подвесок в виде рыб, точно таких же, какие описаны Эрнстом Шавкуновым в книге «Культура чжурчжэней-удиге...», который верил, что их носили чиновники как знак своего ранга в чиновничьей иерархии. Э. В. Шавкунов отмечает, что у чжурчжэней традиция использовать изображение рыбок как отличительный знак чиновника существовала еще со времен бохайцев. Я был сражен наповал, услышав, как коллекционеры, поднимая очередную монету, запросто переговаривались на ходу почти по-китайски: «Тан! Кайюань тунбао!» или «Чжурчжэни! Чженлун юаньбао». Оказалось, что это были названия монет и девизы китайских императоров, отлитые на монетах иероглифами.

Несомненно, в отличие от современного населения, средневековые амурчане более почтительно относились к рыбам. Рисунок рыб был на найденной здесь бронзовой пряжке. Чувствовалось, что рыба в те времена была не только объектом традиционного хозяйства, но и культовым животным. Давно я не получал такого зряда новых знаний и, конечно же, пополнения коллекции. Оставалось только

глубоко сожалеть о том, что после каждого паводка вместе с обвалившейся землей в воду уходит огромное количество исторических артефактов.

Для свидетельства о средневековом возрасте найденного мною рыболовного крючка я попросил у коллекционеров пару монет с этого места. К своему удивлению, я получил отказ, но тут же последовало предложение самому пройти вдоль берега и найти эту пару. Я пошел, продираясь через подрост диких яблонь и шиповника, местами оставляя на их шипах нитки, а то и ключья от рубашки. Вглядываясь в урез воды, вдруг увидел на песке круглое пятно диаметром около трех сантиметров. Я наклонился, и в моих руках оказалась монета китайской династии Сун, отлитая в X веке нашей эры. О, если бы я знал, какую стратегическую ошибку я совершил этим невинным прикосновением к истории! В тот момент я даже представить себе не мог, что последующие три года вместо углубления ихтиологических знаний я буду искать каталоги и определители древних китайских монет, читать об особенностях денежного обращения средневекового Китая, переводить с английского, искать переводы с китайского, научусь разбираться в иероглифах и даже читать вслух, взяв в руки очередную монету: «Чуннин тунбао» или «Шаошен чжунбао». И тогда я даже не подозревал, что коллекционирование — занятие такое заразное.

Во второй половине дня настало время выбирать место для палаток. Сразу бросилось в глаза, что этот берег неоднократно посещался рыбаками: кучи пластиковых пакетов и бутылок лежали под кустами. По определению из учебников, экология — это наука о взаимоотношениях организмов с окружающей средой. В нашем случае три организма вверглись на выходные в окружающую среду. А среда у протоки Челнинской оказалась уже довольно загрязнена предшествующими организмами, посещавшими это место и оставившими после себя обильные артефакты в виде мусора. По этой причине начинать полевой лагерь пришлось с культурной программы: с лопатами в руках мы выбрали место для захоронения отходов хозяйственной деятельности, выкопали на этом месте яму и закопали туда чужой и свой мусор. Чужого было значительно больше... Назавтра планировалась рыбалка и уха, любование цветущими яблонями и прочие беззаботные расслабления.

Та легкость, с которой в мои руки пришли интереснейшие свидетельства истории рыболовства и почитания рыб, пробудила во мне идею продолжения подобных поездок. Наша поездка была много лучше любых пикников, от которых, как известно, кроме головной боли, нет никаких воспоминаний. Правда, о рентабельности этих поездок не могло быть и речи. По каталогу стоимость найденных литых средневековых монет составляла около тридцати рублей за штуку, так что наш проект был явно не коммерческий, а, наоборот, весьма затратный... Но к остальному претензий не было. По большому счету, самым неприятным моментом нашей поездки были лишь ссадины от шиповника и яблонь да мошка, которая основательно накусила нам оголенные части тела и глаза.

Когда стемнело, все лежали в спальнях мешках и рассуждали о рыбалке, яблонях, покровской культуре, китайских династиях и роли чжурчженей на берегах Амура. После полуночи по крышам палаток застучал дождь. Сколько раз за полвека моих экспедиций музыка дождя убаюкивала меня по ночам! Под дождем спится еще лучше. Я перевернулся в спальнике на другой бок и сладко уснул, сразу забыв про ссадины и иголки шиповника. Жаль, что я не был водителем и, к сожалению, шоферские стратегии были мне незнакомы.

Еще не было и семи часов утра, а меня настойчиво начали будить: «Быстро поднимаемся, собираем палатки и уезжаем!» Почему? Да потому, что за ночь сухая колея грунтовой проселочной дороги налилась водой и уже раскисла. Выехали в восемь утра, не позавтракав. Дорогу, которую мы вчера проехали за двадцать минут, словно подменили. Теперь это была канава, наполненная мутной водой, под

которой скрывались колеи глубиной полметра. Вместо утренней физзарядки мы толкали, копали, подкладывали, подсыпали...

За два часа пробились лишь на два километра. Рядом пытался пробиться парень на Тойоте. То мы толкали его машину, то он помогал нам толкать «Волгу». Вся одежда на нас была мокрая. Было так холодно, что не помогала усиленная работа лопатами, которая требовалась через каждые триста метров. Наконец наша машина плотно застряла в грязи. Никаких сил сдвинуть ее уже не было. Мы сидели в салоне мокрые и грязные, стуча зубами от холода, и ожидали чудесного спасения. Какого? Мы же видели, как вчера больше десяти джипов с городскими отдыхающими проехало на реку. Они поедут домой и вытянут нас. Но куда они делись? Чуть впереди в колее недвижимо стояла Тойота.

Около полудня со стороны протоки послышался звук двигателя. Вот они, джипы, возвращаются! Но нет, это был советский «жигуленок». Он медленно, но уверенно плыл по колее то зигзагом, то юзом и наконец поравнялся с нами. Мы спросили водителя о джипах. Он лишь рассмеялся: здесь особые места — чуть дождь капнул, надо мгновенно уезжать, так как дорога раскисает за полчаса. А те джипы уехали еще ночью! Чудо советско-итальянского автопрома снова двинулось, поплыло по канаве, которая еще вчера была полевой дорогой, и скрылось за поворотом. От удивления мы раскрыли рты.

Дождь не переставал, и перспектив выбраться самим не оставалось. Прямо в салоне машины мы присоединили к походной горелке газовый баллон, вскипятили чай и наконец к шестнадцати часам позавтракали. После этого нашлись силы идти в поселок к местным фермерам за подмогой. Они и выручили, прислав колесный трактор «Беларусь». Но впереди дорогу нам загораживали другие застрявшие машины! Оставшиеся два километра дороги до поселка трактор тащил каждую машину на первой скорости полтора часа. По дороге в Хабаровск всем нам было о чем подумать: снялись с места в восемь утра, а домой прибыли после восьми часов вечера!

Жена была изрядно напугана — одежда моя казалась такой, словно ее вынули из помойки. В ванной напугался я сам, когда посмотрел в зеркало. Оттуда на меня глянуло настоящее чудовище, похожее на китайского дракона: вздыбленные брови, накусанные мошкой узкие красные глаза, обвисшие усы. Сидя в ванне и вынимая из тела очередную иголку шиповника, я громко вскрикивал: «О-о-о! О, нет!» О, нет, в такие поездки больше ни шагу, нет, нет... Укусы мошки и комаров широкими красными кольцами опоясали запястья, лодыжки и живот. Я смотрел на них и снова клялся себе, что больше в такие авантюрные поездки ни в коем случае не поеду — нет, нет, нет, никогда!

Расслабление и горячая вода ванны через час сделали свое дело: эмоции от увиденного в мыслях возвращали меня на протоку к тем удивительным свидетельствам средневековой жизни местных народов и сами складывались в строки:

*Вот пыль веков, а вот — амурская вода.
Одно — есть облик вечного покоя,
Другое — вечная динамика движения.
Их диалектика острей воображения...
Гляжу на них я, под обрывом стоя...
Сползает в воду берег и...
уходят артефакты в никуда!*

Все проходит (правда, не без последствий)... Через три дня укусы комаров почти исчезли, а царапины от шипов почти зажили. В следующую пятницу потеплело

и солнце светило вовсю. Позвонил Виктор: «А не поехать ли нам на Челнинскую протоку в выходные?» Я?! Снова на Челнинскую протоку? Снова на два дня? Да, да, конечно да! Ведь я стал коллекционером.

ТУРЫ ПО АЯНСКИМ ПЛЯЖАМ

В первый раз к охотоморскому побережью у Аяна я шел из Владивостока на стареньком рыболовном траулере. Команда на траулере — морские волки. И где они только ни работали... Дело было более двадцати лет назад в непростое время полукриминальной ельцинской экономики. После откровенно голодного начала 1990-х годов магазины были уже наполнены, но импортными товарами по баснословным ценам. На Дальнем Востоке народ выживал, осваивая природные ресурсы без ведома руководства.

Из широких окон ходовой рубки хорошо просматривалось освещенное ясным солнечным светом скалистое побережье Приморского края, мысы и входы в немногочисленные бухты. К вечеру мы были уже севернее бухты Джигит в Японском море, когда по радиотелефону услышали запрос: «Судно, идущее курсом... выйдите на связь». Штурман переключил каналы связи и начал разговор с невидимым радистом. Он назвался рыбаком и поинтересовался, как давно мы из Владивостока и есть ли на борту свежая пресса. У команды набралось немало свежих газет и журналов, уже прочитанных за два дня начавшегося рейса, и штурман обоих судов договорились о встрече. Через час из вечернего сумрака показалась серая масса промыслового судна. Когда подошли ближе, стало видно, что судно давно не крашено, что не в традициях российского флота. Названия судна нигде на борту не было, а номера завешаны брезентовыми полотнищами. Это были настоящие пираты! Сколько раз я читал о таких браконьерских судах, которые по несколько месяцев промышляют в море краба или креветку, не заходя в порты. Эти организованные браконьеры сдавали продукцию на Хоккайдо и, поделив полученные там доллары, тихо возвращались домой в какой-нибудь маленький порт на Сахалине. С нашего судна, как и было обещано, передали пакет с газетами. С серого судна передали несколько корзин с еще живым камчатским крабом и крабом-стригуном. Через час под шелем воды при лунном свете вокруг корзин с уже сваренными крабами на внеплановый ужин собралась команда с ножницами, умело очищая краба от панциря. Я спросил морских волков, ловко орудующих ножницами, видно ли это судно эхолотам патрульных судов? «Конечно, — ответили мне, — но это судно — неуловимый Джо». На этом разговор и закончился, ведь все знали ковбойский анекдот про неуловимого индейца Джо. Он был неуловим не потому, что никто его не мог поймать, а потому, что он был никому не нужен и никто не хотел его ловить.

Следуя дальше на север, судно вошло в Охотское море, прошло мелководный Амурский лиман и вдруг остановилось, бросив якорь в Сахалинском заливе. До Аяна было далеко, мы находились только на полпути к цели. На мои вопросы об этой задержке было сказано, что судно пришло сюда ненадолго, чтобы пополнить запасы продовольствия. Понимая, что ближайший магазин находится в городе Николаевске-на-Амуре в ста километрах от нас, мне оставалось понять это как добрую шутку и ждать дальнейших событий. Люди тут опытные, просто так ничего не делают. Ожидание продлилось около суток. На следующее утро к нашему судну один за другим подошли несколько катеров «Амур», в которых лежало по паре калуг килограммов восемьдесят — сто каждая. Оказывается, еще с голодных девяностых годов у рыбаков и местных жителей сложились коммерческие взаимоотношения.

Уходя в промысловый рейс, рыбаки часто покупали рыбу или лосей, добытых на диких берегах Охотского моря. Это было дешевле, чем в магазинах. Следующие дни судно шло по бескрайнему морю. Высокие плавники косаток несколько раз возникали среди волн. В той стороне, где должны находиться Шантарские острова, стоял туман. Отдельные льдины носило волнами. Была середина июля. Все вокруг было фантастически замечательно. Настроение только немного портило однообразное бюджетное меню: четвертый день в безмерных количествах на столе стояла черная и красная икра, вторые блюда были сплошь рыбными: калуга жареная, калуга пареная. Мы еще не знали, что по прибытии на славный берег Аяна, когда мы расположимся на рыболовном участке, бюджетное меню продолжится. Здесь в обилии оказались крабы. Рыбаки вполне нормально относились к полевому меню, регулярно откусывая жареную кету, но ковырялись в других ежедневных продуктах, ворча: «Опять икра и крабы — закуска аянских бичей...»

К началу XXI века по всему российскому Дальнему Востоку развелось столько туристических агентств, что голубая мечта путешественников советского времени о поездке «Из зимы — в лето» стала доступна всем. То есть всем тем, у кого хватало на это денег... Я сам был совсем не против съездить зимой погреться куда-нибудь во Вьетнам или Таиланд, но каждый раз мешали особенности работы, то есть командировки, подготовка годового отчета и отчетной сессии, прогнозов и других материалов, которые были словно нарочно распланированы так, чтобы мне никогда не увидеть Таиланд. По этой причине моим уделом оставались пункты назначения командировок: бесконечные пляжи материкового побережья Сахалинского залива с тысячами чашек, галечные берега Ульбанского залива, с которых можно было увидеть гренландских китов и косаток, на каждом шагу лицезреть усатые морды нерп, слышать фырканье охотящихся за кетой белух. Это были берега, заваленные лесом, вынесенным паводками из рек Уда, Тугур, Тором; берега Тугуро-Чумиканского района, скалы Шантарских островов и много других мест. Особо я был впечатлен береговой полосой, расположенной километров по сто в обе стороны от поселка Аян. Песчаные и галечные, истоптанные бурями медведями, они были обалденно нетронутыми и замечательно безлюдными. Наиболее часто песчаные пляжи образуются в районе устьев рек: этот песок накопился от неутомимой тысячелетней работы речной воды, перемалывающей скалы. Что можно увидеть на охотоморских пляжах весной? Весна — время массового нереста сельди, когда вода заливов, где она нерестится, белеет от выпущенных в воду молок. Иногда битый морской лед, прижатый ветром к берегу, как бульдозером, выталкивает с мелководья водоросли с отложенной на них икрой сельди. Валы смешанной с водорослями икры массой в десятки тонн гниют на берегу, со всей округи привлекая медведей на бесплатный пир. Птицы, лисы и многие другие животные тоже собираются здесь. Для самой сельди объемы погибшей икры бывают настолько значительны, что большая часть поколения гибнет, а численность оставшихся в этом неудачливом поколении рыб не может обеспечить нормальный уровень воспроизводства. На гальке, сквозь которую сочится пресная вода, нерестится мойва и малоротая корюшка. В свежую погоду разгуливающая волна выбрасывает на охотоморские пляжи достаточное количество корюшки, чтобы поджарить ее для бригады рыбаков в двадцать человек. Правда, встать надо с рассветом, иначе рыбу оперативно соберут чайки. Свежую корюшку любят все.

Не первый раз меня звали в компанию, взявшую за традицию ездить в Таиланд. Две семьи, регулярно отдохнувшие там, описывали мне местные пляжи и экзотическую рыбалку в прудах или в море. Как ни странно, из огромного списка стран Юго-Восточной Азии их привлекали только три-четыре страны, а любимейшим местом был Таиланд. Но... как я уже говорил, я так же регулярно, как и они в Та-

иланд, ездил к другим пляжам, и именно туда мне уже была выписана очередная командировка; и в очередной раз наши маршруты разошлись на сто восемьдесят градусов. Ведь мои пляжи находились не к югу от Хабаровска, как тайландская Паттайя, а далеко к северу, на побережье холодного Охотского моря. Что делать в таких условиях? Сказать друг другу «до свидания», пожать руки, выпить в аэропорту красного вина, пообещать звонить, сообщать о новостях...

Местные аэропорты Аян и Нелькан не принимают аэробусы «Боинг», «Ил» или «Ту» из-за небольших размеров взлетно-посадочных полос, расположенных в крохотных речных долинах, окруженных крутыми сопками и морем. От Николаевскана-Амуре до Магадана на побережье Охотского моря расположены не более десятка поселков, и Аян — это единственное место, где имеется удобная гавань. Порту Аян уже более трехсот лет, он глубокий и хорошо защищен от штормов. К бухте и поселку Аян ведет узкий пролив. Этим проливом, прижимаясь к скалам, после недели работы на реке Алдome я возвращался на барже «Армеец», груженной несколькими десятками тонн мороженой кеты в пакетах из крафт-бумаги. В Аяне эту продукцию перевезут в холодильник и позднее, по приходу транспортного рефрижератора, доставят в Хабаровск или Советскую Гавань. За что люблю Аян — он как остров цивилизации на девственном и диком побережье. Мой сотовый телефон был выключен всю ту неделю, что я провел на реке Алдome: связь сюда еще не дошла. А в поселке Аян она есть. Сегодня будет возможность позвонить друзьям в Таиланд. Как им там отдыхается? Звоню. Сравниваем наши условия: температуру воздуха, одежду. Как и ожидалось, наша одежда соответствует географическим критериям: куртка с теплым подкладом, плотные брюки и резиновые сапоги с портянками — на севере и шорты с маечкой — на юге. Оказалось, что комфортная для Аяна летняя температура двенадцать градусов по Цельсию для жителей Паттайи реально смертельная. На днях у них температура неожиданно упала до пятнадцати градусов, и несколько тайландцев, ночевавших в парках на скамейках, умерли от переохлаждения. Что ж, впереди три недели, будем ждать новостей.

Баржа-танковоз «Армеец» знакома каждому жителю Аяна. Это и каботаж, и морской трамвай, и трудяга снабженец. После нескольких дней отдыха в городской квартире панельного дома именно на этой барже (а на чем еще?) мы идем из Аяна к устью реки Лантарь. Отвесные скалы причудливых форм, каменные арки, кекуры проплывают чередой справа по борту. Теперь точно можно сказать, чем отличаются южные пляжи Таиланда от охотоморских! Штормами и приливами. И если шторма случаются здесь всего лишь время от времени, то приливы высотой до восьми метров здесь регулярны. Суровы и безлюдны эти районы. Реки глубоко врезаны в древние хребты, в верховьях некоторых сохранились ледники. Вода, замерзая в трещинах камней, разрушает глыбы, которые, падая в речной поток, обкатываются и измельчаются. Тысячи лет речной поток двигает камни, распределяя их по долине по размерным фракциям: где-то больше валунов, где-то больше гальки. Более легкий песок в большом количестве выносится в море, а шторма выстилают им вход в долину реки по обе стороны от устья, образуя косы и песчано-галечные пляжи. На концах пляжей, на мысах и скалах камни обросли водорослями: фукусом и ламинарией. По мысам и у скал много бакланов, чаек, уток и других морских птиц, основавших там многочисленные колонии. При приближении катера с камней в прибрежный накат беззвучно соскальзывают нерпы. В устья всех рек заходят на нерест тихоокеанские лососи, в основном горбуша и кета. Эти рыбы и были предметом моей работы. Если честно, то моим командировочным заданием на аянском побережье были не пляжи, а реки. В этих реках нужна оценка площадей нерестилищ горбуши и кеты, определение численности

рыб и сбор данных для рыбохозяйственной инвентаризации. Полевые базы рыбаков располагались именно на аянских пляжах, и поэтому они оставались для меня как основные пункты назначения.

Бывали ли вы на нерестовой реке во время хода горбуши? Сейчас расскажу о своих впечатлениях. Водометный двигатель нес нашу лодку вверх по реке буквально по спинам рыб. Километров через двадцать водитель остановил мотор и взялся за весла, а я подготовил подводную видеокамеру, GPS-приемник географических координат, блокнот и ручку. Лодка тихо спускалась по течению, а я считал рыбу. У моих ног было неистощимое богатство России, которое поддерживалось нетронутой природой и отсутствием местного населения. Зрелище нерестового хода неповторимо. Рыба массой заходит в устье реки. Сплошной лентой она выстраивается в русле вдоль берега, и лента эта медленно, как будто пешком, продвигается вверх по течению. Стоит медведю подойти к берегу, эта лента отодвигается от берега на недоступную ему середину русла, но скорость движения не меняет. Не унывает и медведь: ночью ситуация изменится. Глаза у медведя будут видеть хорошо, а рыбы видеть перестанут. Из палатки хорошо слышно, как ночью охотится медведь: он врывается в реку с таким шумом, словно тяжелая бочка падает в воду. Затем раздаются шлепки падающих в воду рыб, веером выпрыгивающих из воды от медведя. Только к рассвету стихают громкие звуки медвежьей охоты. За несколько дней нерестового хода горбуша проходит несколько десятков километров, отдыхая в заводях и на плесах. Не каждое место подходит для ее нереста. Не нерестится она ни в заливах, ни в ямах. Она ищет струи воды, уходящие в гальку вертикально вниз. Этот усиленный проток воды образуется из-за гипсометрической разницы (в высотах местности) и не исчезает даже при сильном снижении уровня воды к зимней межени. В этих условиях икра будет отлично омываться водой, наполненной необходимым для эмбрионов кислородом. Обнаружив такое место, самка приступает к постройке гнезда. Ложась на бок, она начинает резко изгибаться, работая хвостовым плавником, из-под которого фонтаном летит песок и галька. Течение относит грунт немного ниже, где образуется галечный бугор. Самка оказывается в углублении, которое она выкопала в гальке. Ниже по течению позади самки стоят несколько самцов. Увидев готовность самки к нересту, один из самцов, обычно самый крупный, подходит к ней. Они открывают рты и начинают синхронно дрожать, оставляя в гальке порцию оплодотворенной икры. Затем самец отходит вниз, занимая прежнее место позади гнезда. Самка же продолжает работать: она проходит на четверть метра выше места, где была отложена икра, снова ложится на бок и хвостовым плавником взрывает гальку, которая покрывает отложенную ею икру. Под самкой снова образуется углубление, в которое она снова откладывает порцию икры и снова покрывает ее галькой. Образуется траншея длиной около метра, где под галькой будет всю зиму инкубироваться икра, а усиленный поток воды будет снабжать эмбрионы кислородом. После нереста горбуша погибнет, и тысячи рыб усеют берега и гравийные косы. Их тела, оставшиеся на берегу, съедят личинки мух, а в воде — личинки водных (амфибиотических) насекомых: ручейников, веснянок, поденок и других. В свою очередь, личинками водных насекомых будет питаться молодь тихоокеанских лососей во время жизни в реке и миграции к морю.

Неутомимый вахтенный «Армеец» возвратил меня в поселок Аян. На резиновых сапогах появились новые латки, на куртке нужно было срочно пришить оторвавшийся карман. И, конечно же, позвонить в Паттайю, узнать, как там мои друзья — не устали ли плескаться в теплом море? Бодрые голоса из Паттайи рассказывали мне об ожидании специального тура: отдыха и купания на пляжах, куда нужно было уезжать катером на близлежащие острова. Я был весьма удивлен. Мои

представления, что Паттайя — это чистый песочек и бирюзовая морская водичка, были развеяны. Мои друзья живописали побережье в черте города: грязная вода (на частных пляжах грейся сколько угодно, но в воду — ни-ни), полузагрязненные старые кунгасы у берега с печальными белыми цаплями на них, на окраинах города жители рыбацких деревень выливают помой прямо в море.

Летом вдоль берега остаются все те же достопримечательности: причудливые кекуры, отвесные скалы и несколько разбитых вертолетов, с давних пор составляющих местный пейзаж. Но на аянских пляжах меняется состав персонажей, обеспечивающих «оживляж» местности. В первую очередь, это состав птиц. Обьевавшиеся горбушей чайки собираются в устьевых частях рек, рассаживаясь вдоль берега на флаговых кронах низкорослых лиственниц. Ну и орланы устраиваются на наиболее высоких деревьях, высвечивая среди хвойной зелени свои желтые клювы, белые плечи и хвосты. Медведей летом на пляжах немного. Они разбредаются по речным нерестилищам горбуши и кеты, усердно работая ночью и отсыпаясь днем в высокой траве неподалеку. По морским пляжам бегают мелкие кулики, да маячат остовы барж и буксиров, когда-то выброшенных сюда штормами. Основной признак лета — это ход лососей в реки побережья. Летом и местные жители — эвенки, и русские ставят на морском побережье сети, запасаются кетой, кижучем и кунджей, которые мигрируют вдоль берега. Суточный распорядок рыбалки строго определен природой, то есть чередованием приливов и отливов. В отлив рыба уходит далеко от берега, и ловить ее бесполезно. В прилив рыба идет в двух-десяти метрах от берега, ориентируясь на вдольбереговое приливное течение. Техника рыболовства настолько проста, что достойна удивления. Во время отлива рыбак расстилает свою сеть на сухом берегу, заякоряет ее противоположный от берега конец грузом, а от берегового конца протягивает веревку к бревну потяжелей, которое порой лежит на берегу метрах в пятидесяти от воды. Во время прилива вода заполняет это место, сеть всплывает на поплавках и ловит мигрирующую на глубине полтора-два метра рыбу. Такими короткими ставными сетями в этих краях ловят рыбу вдоль морского берега и любители, и промысловые бригады. Килограммов сто — сто пятьдесят лосося за выходные — норма здешней любительской рыбалки для домашних заготовок. Кунджу в девять килограмм я ловил на Камчатке в 1980-е годы. Но здесь, в небольших реках аянского побережья, кунджи меньше четырех с половиной килограмм я не видел... Правда, и сети там используют с ячеей восемьдесят миллиметров, поэтому мелочь в три килограмма проходит сквозь такую ячейку, не задерживаясь... Дома смотрю фотографии с трофейными рыбами в девять кг весом: есть что вспомнить!

Уже более двух недель я провел на реках аянского побережья. Жаренная до золотистой корочки кета давно не радовала. На икру уже противно было смотреть. Хотелось поесть свежих овощей и фруктов. Пора было ехать домой, но который день лил дождь и аэропорт был закрыт. Зато с Паттайей можно было говорить по телефону хоть каждый час. Как вы там — побывали ли на ночном рынке, ловили ли ночью кальмаров в Сиамском заливе, ездили ли на берега Андаманского моря?

«Сидим в гостинице, ждем вылета домой. Вчера приняли участие в питейном фестивале. Настойки на местных травах, местные вина. Ох, как мы переборщили этих местных трав... Полдня приходим в себя. Ну, до встречи в Хабаровске».

Под мерный шум дождя я ожидал летной погоды, вспоминал плотную ленту горбуши в реках и представлял, как эта рыба отнерестится, как будет инкубироваться ее икра и как молодь будет скатываться из реки в море. Как она подрастет, нагуливаясь в Охотском море, и уйдет нагуливаться в Тихий океан. Тихоокеанские лососи — неумолимые мигранты. Их не страшат потери от морских хищников и рыбаков. Численность рыб больше численности тех, кто их преследует. После

того как японский дрейфтерный флот вылавливал массу лососей в Тихом океане, а российские рыбаки расставляли им вдоль Курильских островов и по побережью Сахалина ставные невода с многокилометровыми сетными заборами-крыльями, оставшиеся рыбы упорно шли к своим родным местам воспроизводства. Рыбное богатство рек Аяно-Майского района Хабаровского края составляют от сотен тысяч до миллионов рыб.

Прошло еще два дня, и голубое небо над Аянсом возвестило о возобновлении авиасообщения с Хабаровском. Маленький самолетик отважно взмыл в небо и понес пассажиров над вспыхивающим солнечными бликами Охотским морем. Как знакомы мне очертания его побережья, ведь многие эти места я проходил пешком в болотных сапогах. Внизу проплыли Шантарские острова, Ульбанский залив, следом за ним — залив Николая. Светлыми плешинами на зеленом фоне тайги замелькали разбитые драгами русла рек Сахалинского залива, и самолетик приземлился в Николаевске-на-Амуре. После дозаправки летели над Амуром. Внизу появились десятки лодок с белыми цепочками поплавков на плавных сетях. Заездки с крыльями полутораклометровой длины были во множестве нагромождены в лимане и русле Амура. Работала промысловая путина. По Амуру шел нерестовый ход кеты и горбуши. Через час мы были в Хабаровске. Жена готовит к чаю бутерброды с красной икрой, на сковородке шкварчат крабы на сливочном масле. Я нажимаю на салат из помидоров и огурцов.

На следующий день позвонили из офиса предприятия, руководство которого приглашало меня работать на реках. Просили приехать, рассказать о результатах, несмотря на то что официальный отчет еще не готов. Приезжаю, пьем кофе, общаемся. Оказалось, главной целью визита было вручение мне премиальных — тридцатикилограммовый пакет с мороженой кетой. Удачное завершение поездки: теперь до Нового года хватит на рыбные котлеты.

Вечером — визит к тайландским туристам, увидеть их загорелые лица, посмотреть слайды их путешествия, показать свои фотографии. Море впечатлений и с той, и с другой стороны. Стол был хорошо представлен манго, авокадо и другой фруктовой экзотикой, но колбасами и бужениной, однако, небогат. Оказалось, что все деньги потрачены на путешествия, дома в холодильнике «мышь повесилась», и придется моим туристам пару недель потуже затягивать ремни. А у меня дома полный холодильник кеты. Предлагаю: на кете продержитесь? — Конечно, давай, на рыбном меню проживем до аванса.

Дома подвожу итоги своего тура по аянскому побережью: зарплата не потрачена, командировочные целы — их в Аяне тратить не на что, рыбы — полный холодильник. Впечатлений масса. Чем не удачный тур по аянским пляжам!

